

ИРИНА СУББОТИНА

Территория Альфы

роман

Ирина Валерьевна Субботина

Территория Альфы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8060766
Территория Альфы: Время; Москва; 2013
ISBN 978-5-9691-1056-4

Аннотация

Главный герой добился в жизни всего, о чём мечтал. К сорока годам он состоятельный человек, женат, правда, живёт отдельно от семьи и с любимой дочкой не может найти общего языка. Рядом с ним практически всегда есть очередная, нередко яркая подруга. Казалось бы, он знает о женщинах всё, он искренен в своём желании найти постоянную спутницу, но то ли женщин выбирает не тех, то ли предлагаемый им образ жизни не оставляет шансов на прочный союз. В бесконечной веренице любовных отношений герой пытается понять, к чему он идёт: к краху своего внутреннего мира или к абсолютной бесценной свободе.

Ирина Субботина

Территория Альфы

© Ирина Субботина, 2013

© «Время», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Кого принято считать альфа-самцом? Дон-Жуана, Казанову?

Или это миф, а всемирно известные герои-любовники не имеют ничего общего с действительными запросами и поведением альфа-самцов? Что же из себя на самом деле представляет мужчина, к которому применимо понятие альфа? В чём он первый? И чего могут ожидать женщины и опасаться мужчины, когда на горизонте появляется альфа-самец?

Из отзывов:

На первый взгляд может показаться, что это банальная история о зажавшемся миллионере. Но это не так. Мужчины устроены куда сложнее, чем принято считать в последнее время. Об этом книга. И вдвойне неожиданно, что такую историю рассказала женщина.

Дмитрий Давыдов, автор игры “Мафия”, 46 лет.

Удивительно, что это написала женщина. Именно так мыслят и поступают мальчики. Но всегда ли об этом надо знать девочкам?

Алексей Роцин, блоггер (“Сапожник/sapojnik”), 45 лет.

В мужском теле нет внутреннего пространства.

Дж. М. Кутзее

Ему хотелось спрятаться в любовь.

Без этого жизнь была невыносима.

М. Каннингем

- Мы падаем?
- Нет.
- Но... Что-то случилось?
- Да, случилось.
- Что?
- Пока не знаю.

– Мне страшно.

– Возможно, птица.

– В смысле?

– В двигатель попала птица.

– Значит, мы падаем?

– Нет.

– Что это? Что за толчки?

– Бафтинг...

– Что?

– Самолёт вошёл в штопор.

– Штопор? Мы упадём?

– Нет.

– Но... мы уже падаем... Я хочу выйти отсюда! – она начала отстёгивать ремень безопасности.

– Пристегни обратно!

– Я хочу выйти! Выпусти меня отсюда!

– Это невозможно. Ребёнок, успокойся!

– Останови! Останови! Мне надо выйти!

– Пристегнись, дура! – я отвесил ей лёгкий подзатыльник.

Её солнцезащитные очки слетели на пол. Она пристегнула ремень и взглянула из-под светлой прямой чёлки, навалившейся на глаза.

Солнце слепило, но она даже не сощурилась.

– Я хочу жить, – прошептала она. – Я хочу жить.

– Мы не упадём. Прикрой голову руками.

– Я хочу жить. Мне страшно. Сделай что-нибудь.

– Я делаю.

– Сделай что-нибудь! – заорала она. – Сделай что-нибудь!
Сделай! Сделай!

– Блядь, сука, заткнись! Сиди тихо! Не ори!

Она схватила руками свои длинные волосы и прикрыла ими лицо, словно шторками с двух сторон. Сжалась. И начала тихо скулить.

– Ты будешь жить. Только не ори. Ребёнок, ты будешь жить.

Она – почти ровесница моей дочери. На несколько лет старше, но росли они на одних фильмах, слушали одинаковую музыку. Влюблялись в одних и тех же героев. Но сегодня она со мной. Я думал – надолго. Теперь не уверен.

Она из тех, кто своей тонкой душевной организацией вызывают особые чувства. Она из тех неслучайных знакомых, ради которых чувствуешь в себе готовность изменить жизнь. И её, и свою.

Но даже с такими можно угодить в точку невозврата.

Так жизнь делится на до и после.

Впоследствии этих «до» и «после» было так много, что уже и счёт им потерял. Жизнь стала похожа на слоёный пирог.

Но когда-то я столкнулся с этим впервые. И был подавлен свалившимся на меня откровением, воспринял происходящее трагично.

Это показатель взросления. В детстве мир воспринимается абсолютно цельным. Нет интервалов между событиями и поступками, нет разрывов. В детстве не существует потерь. Есть расставания, но ощущение потери ребёнку неведомо.

* * *

Мне было двенадцать лет. В пионерском лагере я влюбился в девочку на пару лет старше меня. Лиза, так звали её, встречалась с парнем старше её самой на несколько лет.

Когда я впервые влюбился, мне в прямом смысле не хватало воздуха: ощущение – словно из-за кислородного голодания находился в каком-то лёгком помешательстве.

Я следил за Лизой. Так часто, как только удавалось сбежать из отряда. Однажды мне повезло, и я на пляже увидел важную эротическую деталь – развязалась лямка на её купальнике.

Лиза подхватила его, а я успел увидеть её грудь – и в этот момент время остановилось, а в нос врзался смешанный запах озера и сосен.

Этот запах и сегодня щекочет мне ноздри и вызывает в памяти образ стройной девочки, стоящей по пояс в воде. Девочки, ощущающей собственную силу власти над этим миром.

Конечно, в лагере было полно симпатичных девочек, способных привлечь внимание. Но у Лизы кроме круглых яго-

диц и длинных льняных волос было нечто такое, что вызывало ощущение присутствия чего-то магического вокруг неё.

При взгляде на эту девочку у меня внутри всё сжималось и отдавалось волной где-то внизу живота – потягивало и постанывало и сладко разливалось по всему телу.

Это было особое переживание. Вожделение, смешанное с восторгом от встречи с красотой, воплощённой в этой девочке. Ощущение первого самостоятельного выбора на пути взросления.

Как-то я своровал с верёвки её постиранные трусики. Нюхал их и при любой возможности томился в кустах, с этими трусами на голове.

Я готов был превратиться в её тень, – лишь бы она меня заметила. Я так часто маячил у неё перед глазами, что очень скоро она начала обращаться ко мне с небольшими просьбами. А потом и поручениями.

За смену мне удалось невозможное. Я стал её приятелем, а потом и доверенным лицом. Я относил записки её мальчику.

Лиза надёжно заклеивала своё послание со всех сторон. Но иногда мне удавалось вскрыть письмо и после прочтения вручить адресату без следов вмешательства.

И вроде бы я был в курсе всего происходящего, но в последний момент оказался не готов к тому, что случилось.

Теперь понимаю, что свои письма Лиза заклеивала пропорционально степени откровенности. Чем серьёзнее тема –

тем больше клея. Таким образом, я упустил несколько важных звеньев в их отношениях. А восстановить их самостоятельно тогда не смог.

К концу смены, перед самым отъездом из лагеря, Лиза была серьёзно расстроена. Она в прямом смысле слова металась по периметру лагеря. А поскольку я уже был её приятелем, Лиза, чтобы облегчить свои душевные страдания, обратилась ко мне.

Позвала в беседку, где не было никого. И рассказала, что в эту смену лишилась девственности, отдалась тому самому мальчику, которого полюбила всем сердцем.

Отдалась в надежде на продолжительные отношения и, возможно, будущую семейную жизнь, в которой сама она предполагала родить троих детей и жить счастливо в спокойствии и достатке. Но у парня были другие планы. Он сказал Лизе, что она всего лишь его летнее увлечение.

Лиза сидела и плакала.

– Ты думаешь, что я плохая?

– Нет, я так не думаю.

– А что ты думаешь?

– Ты... красивая.

– Я не об этом. Что я так поступила.

– Ну... тебе понравилось?

– Что понравилось? Ты что, идиот, что ли? Ты что, не понимаешь, что я ему не нужна? Он же меня бросил.

– Я бы не бросил.

– Ты хороший. Но ты маленький! Ты – ребёнок.

– Не плачь. Хочешь, я тебе компот из столовки принесу?

– Какой компот? У меня жизнь кончилась.

– Почему?

– Он меня бросил. Как мне дальше жить? Ты что, не понимаешь этого?

С каждым сказанным мной словом я чувствовал, как между мной и Лизой увеличивалось расстояние. Не уменьшалось, как мне того безумно хотелось, и ради чего я пытался её успокоить, а как раз наоборот, увеличивалось. Я прикоснулся к её льняным волосам. Впервые, и тут же понял, что трогаю их в последний раз.

– Ты такая красивая. У тебя будет много парней.

– Я не хочу много. Я хочу одного. Этого. А он – не хочет.

Как мне жить?

– Может, поговорить с ним?

– Кому?

– Мне.

– Ты что, совсем дурак? Это секрет. Никто не должен знать об этом. Ты понял меня?

Я пытался успокоить Лизу. Говорил, что она обязательно найдёт своё счастье, но с другим парнем. И от души ей этого желал.

Нет, я врал Лизе – никакого счастья с другим парнем я не желал ей. А хотел только одного, чтобы она была моей. Я хотел занять место этого мальчика.

А реальность была другой: я в глазах любимой девочки был безобидным ребёнком, мальчиком на побегушках, образ которого, может быть, даже никогда не сохранится в её памяти.

Лиза высказалась и уже чувствовала неловкость. И стыд. Но не за свой поступок, а за то, что свидетелем всего случившегося с ней сделала именно меня.

А я в свою очередь понимал, что при любом неправильном движении, вместо друга могу стать врагом.

Это неправда, что ребёнок не понимает, что происходит вокруг. Понимает, и иногда больше, чем сам от себя ожидает. И решения способен принимать, и порой – самые верные. Потому что в силу своего возраста не имеет в арсенале набора решений-клише. И именно по этой причине он незащищен перед реакцией других людей.

Я не знал, что мне делать. Было страшно, и каким-то шестым чувством я усёк, что всё, что происходило между мной и Лизой, – вершина наших с ней взаимоотношений. И никогда ничего другого между нами уже не будет.

Именно так и случилось. История с Лизой стала для меня точкой отсчёта моего собственного пути, где неизбежно это самое чувство горечи и разочарования. А образ Лизы я навсегда сохранил в памяти, и он сопровождал меня в разные периоды моей жизни. То вытеснял образы других женщин,

то сам вытеснялся ими.

А вот тогда и надо было остановиться. Но меня распирало желание, которое вызвала во мне Лиза. И чтобы не умереть от перенапряжения, не подохнуть прямо перед ней, я решил выложить Лизе всё как есть: сообщить ей, как сильно я люблю её.

Я достал из кармана Лизины трусы, украденные мной в начале смены. Те самые, которые являлись для меня проводником в мир девичьей исключительности. Трусы, которые были доказательством моей любви к моей Лизе.

Свёрнутые в комок, – именно так я таскал эту вещь в кармане, – я протянул их на ладони, словно предлагал своё только что выскочившее из груди сердце.

– Вот...

– Что это?

– Это... моё... твоё... твои...

Когда Лиза увидела, что я ей вручил, я тут же получил трусами по физиономии. Услышал, какой я дебил и как ужасно, что оказался именно таким.

У меня была тайна, и она давала мне силы действовать. За одно мгновение тайна стала позором, и между мной и Лизой образовалась пропасть. По ощущениям – длиною в несколько жизней.

Всё произошло настолько стремительно, что осознать это, а тем более исправить, сил и способностей у меня, маленького мальчика, не было. Тайна, ставшая позором, и обесточила

меня. А пережитый позор стал началом осознанного роста. Да, мы были юными, Лизина вещица была слишком интимной. И никакой ожидаемой реакции, кроме стыда и раздражения, не могла вызвать.

Но я понял: женщина всегда, если захочет, сумеет ударить тем, что принесено ей в открытых ладонях. Так зачем же добровольно выдавать ей оружие против себя?

История с Лизой – из первых, она – из детства. Но, что интересно, возраст и опыт не всегда выручали. К сорока годам я окончательно понял: сначала, пока молод и плещешь энергией, – тратишь время и силы на исследование вселенной. Много сил и много времени на то, чтобы познать её до самых пределов.

Пока однажды не начинаешь замечать повторы.

* * *

Я вырос на определённых маяках, которые установили мои родители. Окончил школу. Спорт – для здоровья. Институт: поступил, окончил.

Женитьба, семья, работа. Любовь – к женщине, к отечеству, к родителям и детям.

И пошло, пошло, пошло... Вот этот темп, который был взят, и выдерживался. Никакие женщины не смутили, никакая водка не сбила. Первую рюмку принял после тридцати.

Не зависть, а восхищение, что этим можно обладать, заставляла меня двигаться вперёд. Все мечты, которые сформировались до двадцати лет, воплотил в жизнь в той или иной степени.

Есть почитатели чудес, а есть воплоители мечты. Я отношусь ко вторым. И вот теперь мой переходный период осложнялся тем, что я не знал, что ещё придумать, чего желать. Какие ещё есть мечты, к которым надо стремиться.

Мне по-прежнему нравится всё красивое. Мне нравились красивые женщины, и особенно если красота была подкреплена чем-то изнутри.

Никогда я не испытывал радости обладания женщиной в качестве варвара-завоевателя или героя-победителя. Эдакого доминирующего самца, который подминает под себя всё женское.

В отношениях с женщинами у меня явная предрасположенность к роли благодетеля. Я готов стать защитником и помощником для всякой представительницы женского пола. Особенно искренней в намерениях быть не только потребительницей всех благ цивилизации, а ещё и для чего-то потребной.

Меня привлекает в женщинах дерзость и смелость, оригинальность и неординарность, сексуальность и ум. Всё то, что в совокупности делает женщину красивой.

Я люблю, когда у женщины округлые формы, когда очевидны линии её тела. Обожаю её всегда особенный запах, го-

лос, сияние глаз, вкус её рта, упругость кожи.

Люблю всё это настолько, что готов принять обыкновенную упакованную потребительницу за искательницу чего-то особенного.

Блистать внешне, демонстрировать азарт охотницы, стремиться получить большее – если это выдавать в разумных дозах, то можно за таким фасадом какое-то время прятать душевную незрелость.

Когда летишь на самолёте и видишь иную красоту городов, оставленных внизу, тогда переживаешь особые чувства, подогретые фантазией и нереализованным желанием.

Но рано или поздно самолёт сядет. И надо будет выйти в город. И вот тогда можно пройти по улицам и составить окончательное впечатление о том, что с высоты выглядело по-другому. Посадка всегда неизбежна.

Поэтому я не особо сопротивляюсь, когда в очередной раз встречаю нечто посредственное, введённое в самообман собственной молодостью, красотой и способностью продавать себя.

Не воздвигаю защитные укрепления, а принимаю женщин такими, какими положено им быть природой. А всё, что сверх того им дано, – это милость, и я воспринимаю это как милость.

Женщины всегда заполняли мою жизнь. Они меня стимулировали к чему-то новому, отвлекали от чего-то важного.

Женщина – это как проект. Её уникальность в сочетании с новизной, которую она способна привнести, может стать началом отношений.

Я рассматриваю, что же она способна предложить. Что предлагает. Оцениваю её ожидания. Просчитываю сроки реализации. Отслеживаю интенсивность нашего с ней взаимодействия. Планирую этапы финансирования. И жду результата. Я всегда его жду.

А если результат выходит за рамки ожидания и случается нечто большее – меня торкнуло, я влюбился, – тогда «проект» плавно перетекает в операцию. И может длиться сколь угодно долго.

Начинается история любви. И я уйду с головой в ту, в которую влюблён. Даже оставляю работу на какое-то время.

Это как картина, и я её пишу. Иногда получается писать мазками и быстро. А бывает всё идёт трудно и долговременно. Но рано или поздно картина дописывается. Для меня важно не заканчивать картину до конца. Чтобы не было полного опустошения от межкартинного периода.

У меня два варианта отношений с женщинами – ответственность и благотворительность.

Ответственность – это не бесконтрольная выдача денег по первому требованию очаровавшей меня девушки. Такой вариант – скорее, благотворительность. Когда понравившаяся девушка оценила силу произведённого на меня впечатления

и, просчитав мои возможности, озвучила свою проблему, я всегда готов единожды помочь ей, если вижу, что она дружит со здоровым смыслом.

А ответственность всегда связана с планами на будущее. Не только с нашими совместными. Но и с планами на её будущее, в котором меня, по разным причинам, может и не быть. Но ответственность – это уже исключительно последствия любви, и никак иначе, в моём случае она появиться не может.

В моей жизни всегда были женщины, в которых я влюблялся; и всегда были те, с кем готов был дружить.

Вообще нет такого точного слова, чтобы охарактеризовать отношения с женщиной, вызывающей сексуальное влечение, но, по каким-то причинам, не имеющие своего полноценного развития.

Женщина может быть замужем; скорбеть по своему мужу, находиться в трауре; быть представительницей другого социума; нераскрытой женщиной и тем самым не давать повода для отношений; быть сестрой друга или приятельницей бывшей девушки; оказаться подружкой той, с кем хотя бы один раз были интимные отношения; или дочерью когда-то нравившейся в молодости девушки; женщиной, не вовремя появившейся в моей жизни; быть человеком другой тусовки, куда сначала надо войти, а потом, в течение некоторого времени, обозначить себя. Иногда выясняется, что для девушки

наиболее важны корпоративные ценности. Всё это накладывает определённое табу.

Но если и существует табу, которое я не нарушаю, а влечение к женщине так велико, что я не могу о ней забыть, это может стать началом нашей дружбы.

Для себя я называю эти отношения приятельскими. Но в общении с женщинами использую понятие дружбы. С одной стороны, это не накладывает обязательств, связанных с интимом, а с другой – выводит нас за рамки просто приятелей.

С моей стороны появляется нечто самопожертвованное.

Сам я верю, что могу дружить с женщиной без секса. Это даже интересно.

Но не факт, что с другой стороны меня будут рассматривать как друга. Я просто могу этого не знать.

Я до сих пор не встречал женщин, которые позволяли дружить с ними, но сами рано или поздно не сделали бы попытки показать силу своей женской природы. К счастью, не встречал.

«А бешеная кровь меня к тебе вела суждённой всем, единственной дорогой...» – одна из моих любимых ахматовских строк – точно указывает на причину, по которой женщина оказывается рядом с мужчиной. Иногда этим мужчиной становился я.

А бывает, что за отсутствием «бешеной крови» к близости подталкивало нечто другое.

То, что есть у женщины в наличии, – холодный расчёт,

подмена понятий или понимание, как развиваются отношения.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы понять: отношения сами себя рассказывают. Ими нельзя понукать, их нельзя подталкивать, их опасно планировать. Надо ждать появления истории, которая начнёт говорить сама за себя.

Только тогда можно соприкоснуться с неподдельным переживанием, которое, скорее всего, окажется не таким, каким ожидалось. Но всё равно более или менее настоящим, а не симулированным.

Когда я был моложе, я, кажется, предчувствовал, что это так. Но по причине молодости не мог ждать месяцами, когда же заговорит моя история. Я жил настоящим моментом и только. Меня распирало: я рос во все стороны – внутри и снаружи. Я хотел от женщин всего и сразу. Они не сопротивлялись. А если и пытались, то сразу – досвидос... Я был уверен, так лучше – для них и для меня.

Молодость во всём обозначает свои сроки. И в этом её особенность.

А теперь я могу терпеливо ждать, долго удерживая внимание и предвкушая возможные отношения. Которых, впрочем, может и не случиться.

Я всякий раз ловлю себя на мысли, что каждое новое влечение – это всего лишь часть общей картины.

Секс с каждой из женщин воспринимается как секс имен-

но с этой конкретной женщиной, с её свежестью, красотой, страстностью, чувственностью, мудростью, силой, ненасытностью, самовлюблённостью, глубиной, простотой – со всем тем, что она способна транслировать в этот момент. Но только общая картина позволяет ощутить то, что называется полнотой жизни.

Все свои отношения я помню, но это не значит, что меня к ним тянет. Меня тянет к определённым впечатлениям, которые я когда-то получил.

* * *

Моя жена Тамара – это первая часть моей жизни. Теперь она уже друг, она – роднее родного. Я отношусь к ней, как к сестре.

У нас сложились с ней особые отношения. Может быть, они были основаны на заблуждениях – наших с ней заблуждениях. А может быть, на ошибках, которые мы друг другу не простили. И на иллюзорности – я просто не знал, кто я такой.

Но я хотел найти ответ на этот вопрос. В том числе и с помощью женщины. И когда рядом со мной появлялись такие особы, я вынужден был думать и о них.

А в перерывах между поисками я возвращался к жене, и мы пытались понять, кто мы друг для друга, что мы друг другу должны.

И если раньше при выяснении отношений у меня постоянно возникало желание сказать ей: «Ты не оборзела, сука?» – что я, в общем-то, и делал, то сейчас – нет. Я всегда говорю ей: «Всё, что ты хочешь! Всё, что ты хочешь... дорогая моя».

К такому родственному союзу мы шли долго и временами мучительно. Было всякое – и мысли нехорошие, и слова страшные, и поступки скверные.

Как-то Тамара в состоянии отчаянья даже пожелала мне содохнуть. А я, находясь в подобном состоянии, сидел и думал, что умереть, может быть, и не страшно. Только волнует один вопрос.

Если после смерти всё-таки существует какая-то форма жизни, как обстоит дело с ощущениями?

Однообразность, повторяемость, она и после смерти остаётся неизменной? Или вариантов появляется больше?

С Тамарой я познакомился в Чехословакии. Центральная группа войск. Весна. Нас несколько человек, и мы такие бравые кремлёвские курсанты появились в гарнизоне. И впереди три месяца стажировки.

Естественно, на нас сразу же обратили внимание. И кто?

Понятно, что весь женский пол гарнизона. И в первую очередь наши потенциальные невесты – дочери военнослужащих. Они, как всякие девочки, обращали внимание на мужчин, подобных их отцам.

Этим девочкам на примерах их родителей понятно, что

никто не получает генерала, не похоронив в лейтенантах. А генеральской женой можно стать, прежде побыв женой лейтенанта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.